

Едва Ли Чжао переступил порог двора, где жил Мин Чжэнь, как путь ему преградили десятки сундуков и ящиков, громоздившихся в углу двора и под галереей.

Лакированные красным, из чёрного сандала, окованные медью... Большие и маленькие — их набралось более десятка, и они занимали почти половину двора.

Фэн Юань стоял над одним из них, согнувшись, и при тусклом зимнем свете после полудня внимательно сверял записи в тетради. Увидев принца, он поспешно выпрямился и почтительно поклонился.

— Ну и ну! Что это за бардак? — с живым интересом обойдя один из позолоченных сундуков, Ли Чжао легко постучал по нему пальцем. Раздался глухой, плотный звук. Он поднял глаза и с усмешкой сказал: — Фэн Юань, неужели ты тайком от своего господина нашёл себе невесту и теперь готовишься к свадьбе?

Фэн Юань остался невозмутим и ответил с тем же достойным спокойствием:

— Ваше Высочество шутите. С такими мелочами мне и в голову не придёт хлопотать втайне. Когда ваше великое дело с моим господином будет решено, тогда и я подумаю об этом.

Эти слова попали точно в самую чувствительную струну души Ли Чжао. Его глаза вспыхнули, будто в них упали осколки звёзд. Он тут же выудил из кошелька пригоршню круглых, блестящих золотых зёрен и без лишних слов вложил их в ладонь Фэн Юаня.

— Отлично! Это я люблю слышать! Держи, пусть принесёт удачу! — весело и щедро произнёс он. — Твой господин ведь не скупец. Если увидишь кого-то по душе — смело скажи, я лично добавлю тебе приданого!

— Благодарю за щедрость Вашего Высочества, — Фэн Юань без колебаний принял подарок и лёгким взглядом указал на веранду перед главным залом: — Господин, конечно, не станет ограничивать меня в этом. Просто мне пока не до того.

Стоявший рядом Фу Гуй с изумлением смотрел на золотые зёрна в руке Фэн Юаня, которые сверкали на солнце, ослепляя глаза. Внутри у него всё закипело от зависти.

Он придвинулся ближе к Ли Чжао и проворчал:

— Ваше Высочество, когда бы вы так же щедро обошлись со мной... Разве трудно сказать пару добрых слов? Кто ж не умеет?

Ли Чжао обернулся и, прищурившись, с лёгкой насмешкой взглянул на него:

— Да разве я с тобой не щедр? Месячное жалованье, подарки, новинки — чего тебе не хватает? Не надо меня оклеветать!

Он театрально почесал ухо и с видом искреннего недоумения добавил:

— А насчёт добрых слов... Может, я ослышался, или ты во сне их говорил? С тех пор как узнал правду, ты ходишь, будто небо рухнуло, и на лице написано: «Не может быть!»

— Да и глаза твои вылезли, как у фонаря! То смотришь на меня, то отводишь взгляд... Кто знает, какие мысли у тебя в голове крутятся?

Фу Гуй онемел, раскрыл рот, но так и не осмелился возразить, лишь виновато опустил голову. Он до сих пор не мог понять: как так получилось? Когда же у его повелителя проснулось это чувство? И почему так внезапно, так неожиданно!

За эти годы к принцу со всех сторон лезли те, кто был очарован его красотой и высоким положением. Одни строили глазки — он говорил: «У вас, видно, глаза дергаются. Лучше сходите к врачу».

Другие приглашали на прогулку по озеру или на цветение слив — он отвечал: «Между мужчиной и женщиной нет близости без причины, это неприлично».

А самые наглые, прямо предлагавшие себя, получали вежливый, но непробиваемый отказ: «Я ещё слишком молод, чтобы думать об этом».

Особенно запомнился случай с Лань Гуйфэй. По придворному обычаю она однажды направила к нему служанку для «просвещения». Но едва Ли Чжао вошёл в комнату и увидел на постели девушку, как решил, что императрица не уважает его личное пространство. В тот же вечер он сбежал в дом Мин Чжэня и прожил там несколько дней, пока Лань Гуйфэй не сдалась.

После этого случая она даже тайно обращалась к монахам, которые сказали: «Время ещё не пришло. Насилие только навредит». Только тогда она немного успокоилась.

Прошли годы. Принц достиг возраста, когда обычные юноши начинают томиться любовью, а он всё оставался таким же — «как горный ветер, как лунный свет над рекой»: чистым, спокойным, будто вообще не ведающим страсти. Лань Гуйфэй не раз намекала Фу Гую: если заметит хоть малейший проблеск чувств у принца — обязательно должен помочь делу в нужный момент.

Но он и представить не мог, что «проблеск» вспыхнет именно на Мин Чжэне! Хотя... теперь, оглядываясь назад, всё становилось логичным: ведь рядом с принцем всегда был только он — самый близкий, самый особенный. Просто пол... Вот что оказалось совершенно неожиданным. Из-за этого Фу Гуй и не думал в ту сторону.

А сейчас они стояли рядом под галереей. Мин Чжэнь — прямой, как бамбук, слегка склонив

голову, внимательно слушал, как Ли Чжао с воодушевлением что-то рассказывал, и на губах его играла едва уловимая, но искренняя улыбка — тёплая, сосредоточенная.

Ли Чжао же сиял: брови приподняты, глаза горят — вся душа нараспашку, без тени тревоги или маски. Спокойная сдержанность Мин Чжэня, словно глубокая тихая река, идеально дополняла яркую, солнечную энергию принца.

Вместе они создавали гармонию, в которую постороннему было невозможно вклиниться.

И в этот миг последнее сомнение и изумление в сердце Фу Гуя растаяли, как утренний туман под лучами солнца.

Он вдруг вспомнил тот день, когда принц, потеряв голову, бросился в дом Мин Чжэня. В глазах его тогда была такая паника и пустота, что даже сейчас, вспоминая, Фу Гуй чувствовал холод в груди.

И только один человек на свете мог мгновенно рассеять эту тревогу и вернуть принцу живой блеск в глазах — Мин Чжэнь.

«Так и должно быть», — подумал Фу Гуй. Он незаметно отступил на полшага назад, укрывшись в тени колонны, и оставил всё солнечное пространство этой паре, которая, забыв обо всём на свете, тихо беседовала между собой. Принц был по-настоящему счастлив — в его глазах светилась искренняя радость. Этого было достаточно.

Пока Фу Гуй предавался размышлениям, Ли Чжао обернулся — и увидел Мин Чжэня, стоявшего у двери. Он, видимо, наблюдал за ним давно, может, с самого момента, как тот вошёл во двор.

Тень от крыши падала на половину его лица, подчёркивая прямой профиль носа. Выражение было трудно разобрать, но глаза — ясные, тёплые — были устремлены только на Ли Чжао, который с оживлением шёл к нему. Всё остальное — сундуки, слуги, сам двор — будто растворилось в размытом фоне.

Ли Чжао вдруг осознал: раньше было точно так же. Всегда, когда он оборачивался — будь то в беге или во время игры, — он находил взгляд Мин Чжэня.

Иногда тот с лёгким укором напоминал: «Смотри под ноги!» Иногда просто молча смотрел — так пристально, что Ли Чжао начинал подозревать, не прилипло ли что-то неприличное к его лицу, и машинально тянулся рукой проверить.

Он подошёл ближе. Зимнее послеполуденное солнце пробилось сквозь щели в черепице и рассыпалось мягким золотистым светом по плечам и кончикам волос Мин Чжэня, окутывая его тёплым, пушистым сиянием. Так и хочется дотронуться...

И, не задумываясь, Ли Чжао поднял руку и положил её на плечо Мин Чжэня. Под плотной, но мягкой тканью одежды он ощутил чёткие, упругие линии мышц.

— Тайком подсматриваешь? — улыбнулся он, и глаза его изогнулись, как два молодых месяца.
— Вышел — так бы и сказал! Зачем стоять здесь, как столбик у ворот?

Мин Чжэнь тут же обхватил его руку своей — широкой, тёплой и сухой. Пальцы его бережно, почти незаметно, поглаживали тыльную сторону ладони Ли Чжао, вызывая лёгкую, но отчётливую дрожь.

Он поднял глаза, взглянул на ясное небо над двором, а потом перевёл взгляд на улыбающееся лицо принца и серьёзно ответил:

— Я не подсматривал. Это мой двор, — он сделал паузу, и в голосе прозвучала лёгкая ирония,
— значит, смотрю куда хочу — и совершенно открыто.

— Ладно, смотри, сколько душе угодно, — рассмеялся Ли Чжао, тронутый такой наглой прямоотой. Он игриво постучал пальцем по плечу Мин Чжэня, будто по клавишам музыкального инструмента. — А когда ты переедешь во дворец, я тоже буду неотрывно на тебя смотреть. Буду смотреть вдосталь — чтоб компенсировать!

Тёплая ладонь Мин Чжэня крепко держала его руку, и каждое лёгкое прикосновение пальцев, будто ритмичная волна, посылало по коже тонкие разряды электричества. Ли Чжао почувствовал, как внутри всё защекотало, стало жарко и беспокойно.

Чтобы отвлечься, он перевёл взгляд на сундуки, загромождавшие двор.

— Ладно, хватит об этом, — кашлянул он. — А вот это что за история? У тебя во дворе скоро склад получится!

Мин Чжэнь спокойно посмотрел туда же. Его лицо оставалось невозмутимым, будто эти сундуки с «благодарностями» были ничем не примечательными вещами.

— Ничего особенного, — равнодушно ответил он. — Просто недавно помог нескольким семьям заняться... полезными делами. Они оказались вежливыми — прислали благодарственные дары.

Услышав такое безмятежное объяснение, Ли Чжао сразу всё понял. Какие уж тут «дары» — это явно извинения! После того, как их хорошенько припугнули, они быстро научились вести себя прилично.

Неудивительно, что в последние дни то и дело приходили известия: в имениях этих семей всплывали старые долги, тайные сделки, скандалы. Молодые отпрыски вели себя беспокойно.

Один — насильно отобрал землю у крестьян и оказался в суде. Другой — позволил слугам избить человека и был пойман с поличным... Всюду сумятица, все в панике. Теперь ясно, откуда пошёл ветер.

— По твоему виду в тот раз, — сказал Ли Чжао, вспоминая, как Мин Чжэнь тогда говорил об этом с таким спокойствием, почти холодностью, — я думал, ты не станешь действовать так быстро.

Мин Чжэнь чуть крепче сжал его руку. В его обычно ровных глазах мелькнул огонёк — быстрый, едва уловимый.

— А Чжао, я не святой, чтобы терпеть удары и отвечать добром на зло. Раз они осмелились протянуть когти, решили, что можно испытать и подмять под себя, — зачем давать им время собраться и нанести ответный удар? Лучше рубить с плеча, чем резать тупым ножом.

Ли Чжао и без того знал: Мин Чжэнь вовсе не безгрешный идеал. Снаружи — благородный, учтивый, каждое движение достойно кисти художника. Но внутри — ум, расчёт, гибкость в нужный момент и железная решимость, когда дело требует.

Он словно прекрасный нефрит — белоснежный, тёплый на ощупь, но внутри него естественным образом присутствуют тонкие прожилки или лёгкие вкрапления тёмного оттенка. Это — белизна, но белизна с каплей чёрного.

И эта чёрная точка не портит его чистоты, не нарушает образа «ясного света и свежего ветра». Наоборот — делает его живее, реальнее, даёт силу стоять в этом сложном мире и защищать всё, что ему дорого.

Вспомнив мелькнувшую в переулке фигуру — торопливую, почти испуганную, — Ли Чжао вдруг понял: это было не случайное совпадение.

— Когда я шёл сюда, — сказал он, глядя на Мин Чжэня, — мне показалось, я видел младшего сына рода Юань — того, кого в семье не очень жалуют. Он быстро уходил из соседнего переулка. Приходил к тебе?

Мин Чжэнь не стал скрывать и кивнул:

— Да. У него есть кое-что, что связано с одним старым делом, которое я расследую.

Память Ли Чжао была отличной. Он на мгновение задумался — и вспомнил давно забытые слухи:

— Это про его мать? Та самая госпожа Лю, о которой до сих пор вспоминают старики? Говорят, её танец на лодке собрал на берегах толпы, и весь город замер... Её смерть всегда была

окутана тайной. Там что-то не так?

— Не просто «не так», — голос Мин Чжэня стал ниже, холоднее, проникая в самую суть. — Внутри рода Юань скрыто гораздо больше грязи, чем кажется снаружи. В его сердце — ненависть. Теперь он нашёл шанс и заключил со мной сделку.

Он посмотрел на Ли Чжао:

— Он хочет уничтожить род Юань — до самого корня.

Ли Чжао вдруг понял: они с Мин Чжэнем действительно мыслят как одно целое. Он сам стремился воздействовать на глав знатных родов через официальные механизмы — законы, должности, правила.

А Мин Чжэнь уже нашёл трещины внутри крепости и аккуратно вручил врагу отравленный клинок. Один создаёт давление снаружи, другой разрушает изнутри.

— Что ж, — улыбнулся Ли Чжао, и его улыбка сияла, как солнце, — чем скорее очистим — тем чище будет.

Мин Чжэнь почувствовал тепло в ладони. Холод в его глазах мгновенно растаял, превратившись в тёплую весеннюю воду. Вся суровость, с которой он говорил о тёмных делах, исчезла без следа. Он лишь кивнул и тихо сказал:

— Да.

<http://bllate.org/book/17167/1607686>